

О вышедшей в 1981 году в Воронеже книге белгородского литератора Бориса Осыкова «Я родился в селе Красном...» журнал «Театральная жизнь» писал: «Автор этой маленькой скромной книжки, земляк Щепкина, человек, преданный его памяти, его великому таланту, поставил перед собой задачу попытаться проникнуть в тайники его души, рассказать о тех, кого он любил, кто ему был дорог и вольно или невольно способствовал формированию его художественной натуры». Б. Осыков продолжает развивать щепкинскую тему. Редакция намерена знакомить читателей с его новыми этюдами. Публикуем первый из них.

К 200-летию со дня рождения

«У МАТУШКИ ПРОШУ

БЛАГОСЛОВЕНИЯ»

ДВАДЦАТЬ лет уже убеждало, но свежа в памяти та удивительная встреча. Встреча с портретом.

Несколько остановок троллейбуса и минут десять — двенадцать извилистого перехода меж старых домов и домишек. В центральной части Москвы, сразу за современными громадами из бетона и стекла, Александра Владимировна Щепкина, актриса Малого театра, праправнучка великого актера, вела меня в гости к своей матери Елене Николаевне Щепкиной, в прошлом тоже актрисе Московского Малого театра.

Невысокая, полноватая, но быстрая и ловкая в движениях, Елена Николаевна накрывала на стол, поставила высокую вазу с вареньем и принялась за чай, доверительно делаясь секретами его особенной заварки и попутно продолжая отвечать на мои нетерпеливые вопросы. Впрочем, задавал я их уже по инерции. Внимание мое властно привлекло небольшое полотно в давно потемневшей простенькой деревянной рамке.

Не удержался и, извинившись, встал из-за стола, шагнул поближе. Краски на портрете давно утратили блеск, потемнели и покрылись причудливой сетью трещинок. Слово из тумана, из дымки прошлого, проступало прекрасное лицо старой женщины. Кружева чепца обрамляли его. Складки тяжелого платья, надетого специально для такого неординарного события.

Некогда прелестное юное лицо все в морщинах и морщинках. Жесткая, поч-

ти горестная линия губ. Позади столько забот, трудов, разлук, столько вострадного и пережитого.

Из редких разрозненных документов и писем, из знаменитых «Записок актера Щепкина» и рукописных воспоминаний его жены по строке, по крупицам складывается образ.

Крепостная девушка — мастерица, певунья, умница. В село Красное, что возле Белгорода, попала «со стороны» «пришедшая в приданое за графиней» «сенная девушка молодой барыни». Известен лишь — с большей или меньшей степенью достоверности — год ее рождения: 1764-й. Но где она родилась, кто были ее родители, в каких местах и как выросла?.. Она была крепостной, «крещеной собственностью» графского семейства Волькенштейнов, принужденная исполнять все их желания. Из бесчеловечного, униженного состояния старший сын смог выволить ее лишь на склоне лет.

У Марии Тимофеевны родилось девять детей. Первые двое — мальчик и девочка — умерли младенцами, не дав родителям, как говорят, «налюбоваться на себя». В стылый ноябрьский день 1788 года появился на свет третий ребенок Щепкиных — сын Михаил, будущая гордость и слава русского театра.

Двадцатичетырех летняя крепостная-горничная, едва оправившись после родов, принуждена была «неотлучно находиться при графине». Однажды молодая мать «прибежала в свою комнату», чтобы искупать младенца.

«...И только начала мыть — пришел посол от графини, чтобы как можно скорее шла к ее сиятельству. Будучи всегда точной исполнительницей воли господ, она, не размышляя о последствиях, оставила ребенка в теплой воде и, прося золовку окончить начатое ею, сама тотчас отправилась к графине. Золовка или не вслушалась в просьбу матери, или может быть, захлопотавшись по хозяйству, забыла, только три часа спустя мать моя, возвратясь домой, нашла меня в том же самом положении, как оставляла, спокойно спящего в довольно уже холодной воде. Натурально, она сначала испугалась, а потом обрадовалась, видя минувшую опасность... По прошествии полугода мать моя, по милости господ, отправляясь для услуг, уже брала и меня с собою...».

Почти три года он был ее единственным ребенком. Да и после появления дочери Саши остался любимцем. В 1795 году отец Щепкина договорился отдать сына (ему не было еще и семи) в ученье в Белгород «к знакомому, очень умному священнику (который когда-то, бывши еще студентом, учил сына графа Волькенштейна)». Начались сборы в дорогу.

«Так прошли две недели. ужасные для матери: во все время приготовления она не осушила глаз, разумеется, в отсутствии отца, ибо при нем не смела плакать. Она оплакивала каждую рубашку, каждую вещь, которую укладывала, как теперь помню, в красненький сундучок, под крышечкой его приклеена была картинка суздальской работы с какими-то ужасными чудищами, которые меня очень занимали. Не постигая слез матери, я, очень помню, спрашивал у ней, чего она плачет. Разве в Белгороде меня всякий день будет сечь?.. На что мать, обнявши и прижавши меня к своему сердцу, сквозь слезы говорила: «Ох, дитячко, может быть, и это будет!»».

Главная радость Марии Тимофеевны на этом свете — ее внуки. Навсегда запомнят они бабушкины ласковые руки, ее добрые

васильковые глаза. И еще таинственные вечера на затерянном в рождественских искристых снегах хуторке, когда при мерцании простого глиняного ночника, замерев, слушали они волшебные сказки. Славной стариной, Русью веяло от тех сказок, песен и поговорок.

В мае 1818 года в благо-

ухающей первой зеленью Полтаве актер Щепкин получил письмо от графини Анны Абрамовны Волькенштейн. Ледяным холодом повеяло от краткого господского послания, начертанного рукою брата Анны Абрамовны:

«Миша Щепкин! Так как ты, видно, не хочешь быть слугою и, видно, не расположен быть благодарным за все то, что твой отец приобрел, бывши у графа, за воспитание, данное тебе, то графиня желает всем вам дать вольную, т. е. вашей фамилии — отцу твоему со всем семейством за 8 тысяч, ибо семейство ваше весьма значительно. Ежели ты хочешь оное получить, приезжай поскорее, так ты получишь; не теряй времени».

Постыдные торги затянулись на три с лишним года. Как достались эти годы Михаилу Семеновичу Щепкину и его близким! Что стоили они его матери!

18 ноября 1821 года Щепкин получил, наконец, отпускную. Но лишь для себя, жены и дочерей. За освобождение сыновей Дмитрия и Николая, отца и матери, младшего брата Авраама и сестер Анны и Елизаветы актер обязался вернуть крупную сумму денег. Только через год все они благодаря хлопотам М. С. Щепкина получат «вольную».

Марии Тимофеевне шел тогда пятьдесят девятый год. Позади оставалась жизнь, полная трудностей, лишений и невзгод. Да и предстояло их еще немало. Сколь ни трудолюбив был ее сын, какие бы сборы ни давала его гениальная игра на сцене, средств не хватало. Ежегодно летом вместо отпуска отправлялся он в гастрольные поездки по городам России, отправлялся, попросту говоря, на заработки. Подрастали дети, и Михаил Семенович был постоян-

но озабочен тем, чтобы доставить каждому из них хорошее образование. Они делали первые самостоятельные шаги в жизни, и это тоже требовало денег.

Сестра Н. В. Станкевича Александра Владимировна, ставшая женой сына Щепкина Николая, вспоминает: «В 40-х годах, в Москве... дом М. С. Щепкина часто наполнялся его старыми и молодыми знакомыми и друзьями, но он и всегда был полон его собственной семьей, его родными, жившими у него, и разными старушками, которым давал он у себя приют ради их старости. Это было что-то вроде домашней богадельни... Когда до Михаила Семеновича дошла в Москву весть о том, что П. Е. Барсов (его товарищ еще по театру в Курске — Б. О.) скончался, оставив большую семью свою на руках жены, М. С. тотчас решил, что он должен взять к себе это осиротевшее семейство... Так незаметно составлялась и росла семья Михаила Семеновича, и в 1831 году семья эта включала в себя двадцать четыре человека. В своих «Записках» М. С. упоминает об этом времени, говорит о том, как порадовали его, когда поручили ему преподавать в театральной школе, потому что это увеличило средства его».

Душой и сердцевинкой обширного и разноликого этого семейства оставались две женщины. Жена Щепкина Елена Дмитриевна и мать Мария Тимофеевна.

Сохранилось и такое воспоминание: когда на душе у Щепкина бывало грустно (а минуты такие выпадали не так уж редко), он просил мать как в детстве: «Спой мне песню, матушка...».

И в редких письмах Михаила Семеновича (он никогда не был охотником до писем) есть непременно строчка: «У матушки прошу благословения», «...у матушки поцелуй старую руку и попроси благословения».

Мария Тимофеевна прожила девяносто лет. В день ее кончины у Михаила Семеновича была назначена деловая встреча с известным историком, профессором Московского университета М. П. Погодиным. Встречу пришлось отложить. Щепкин поспешно набросал на листке несколько строк, адресованных Погодину: «Прилагаю при сем письмо Анненкова... У меня домашнее горе. Мать скончалась 20-го сего месяца, — отпевать будут в субботу у Старого Пимена. Конечно, она была очень стара — 90 лет, а все грустно терять. Пожалуйста, ежели у вас освободились «Мертвые души», то пришлите мне они нужны. Прощайте».

«А все грустно терять...». Всю жизнь Щепкин относился к матери своей нежно и трогательно.

Б. ОСЫКОВ.